

Глава 6. Как же много людей

Глядя на старика, чье лицо отражало всю тяжесть прожитых лет и полное отчаяние, даже всегда болтливый Цзинь Ни притих — он просто не знал, что сказать.

Член совета Чэнь и те, кто вместе с ним погубил семью дедушки Чжао, уже заплатились своими жизнями. Но остальные жители поселка, которые лишь холодно наблюдали со стороны, еще не совершили преступлений, караемых смертью, а те, кто вообще не был замешан, и вовсе оставались невиновны.

С другой стороны, дедушка Чжао прекрасно знал правду, но так долго ее скрывал, что в итоге пострадали не только жители поселка Наньхуай, но и ученики Сюаньлина, прибывшие на помощь. Его тоже нельзя было назвать невинным.

Однако мир в наши времена устроен крайне несправедливо. Пожалуй, сам дедушка Чжао не ожидал, что под влиянием Пожирающего тумана Молящееся о богах древо, превратившись в Древо Возвращения Души, выйдет из-под контроля.

Если бы в его сердце не осталось хотя бы капли раскаяния, он бы не принес сюда дух дерева.

Цзинь Ни посмотрел на увядшее Древо Возвращения Души, затем на людей, которые превратились в деревья по всему лесу и теперь ждали спасения, и тоже почувствовал, что ситуация зашла в тупик.

Он подсознательно взглянул на Му Цунъюня: Старший брат, что нам теперь делать?

Му Цунъюня не затронула общая атмосфера уныния. Разобравшись в истинном положении дел, он опустил на корточки перед остатками ствола Древа Возвращения Души и, лишь когда Цзинь Ни заговорил, ответил: Оно еще не погибло.

Просто корневая система сильно пострадала от едкой крови дракона, и сейчас остатки жизненных сил были крайне слабы.

Оно могло как выжить, так и погибнуть.

Дедушка Чжао, совершенно не заботясь о последствиях, продолжал твердить: Я согласен, я согласен.

Старик посмотрел на деревянную статуэтку в своих руках, уже покрытую сетью трещин, и расплылся в улыбке. Он положил фигурку на пень и с любовью погладил узор на срезе: Этого достаточно.

Видя это, Му Цунъюнь больше не стал спорить. Он велел дедушке Чжао сесть на пень, прижимая к себе деревянную статуэтку, а затем приказал Цзинь Ни и Сюй Яо установить массив согласно его указаниям, после чего приступил к ритуалу.

Пришло время выполнить твоё обещание, — Му Цунъюнь посмотрел на Древо Возвращения Души, которое до сих пор никак не отзывалось.

Я согласен. — Уныние с лица дедушки Чжао мгновенно исчезло, сменившись каким-то фанатичным блеском. Он бросился вперед, схватил Му Цунъюня за руку и начал повторять: Я согласен! Я правда согласен!

Му Цунъюнь выхватил меч, проколол центр лба дедушки Чжао и, собрав две капли его жизненной эссенции, влил их в ритуал.

И Молящееся о богах древо, и Древо Возвращения Души обладают бесконечно долгой жизнью. Но это дерево было истощено Пожирающим туманом и серьезно повреждено в самой своей основе. Разделение жизненной силы — это лишь способ поддержать в нем жизнь, попытка сыграть в азартную игру с судьбой.

Статуэтка, до этого не подававшая признаков жизни, внезапно моргнула.

Состояние дедушки Чжао стало напоминать безумие.

Му Цунъюнь кивнул и добавил: Я знал одну тайную технику, позволяющую двум людям разделить свою продолжительность жизни. Но эти двое должны быть связаны кровными узами, и фактически это означает, что тот, чья жизнь длиннее, отдает часть своих лет тому, чья жизнь короче.

Му Цунъюнь убрал меч и посмотрел на дедушку Чжао, который на глазах стал еще старше: Древо Возвращения Души умирает. Чтобы сохранить его жизненную силу, только ты можешь поделиться с ним своей жизнью.

Старик, волоча ноги, сел рядом с деревом: Я останусь здесь и буду охранять его.

Дедушка Чжао, боясь, что его не поймут, поспешно добавил: Линшань сказал, что это возможно.

Му Цунъюнь, внезапно схваченный за руку, напрягся. Сдержавшись и не совершив резких движений, он высвободил руку и пояснил еще яснее: Ты уже перешагнул порог шестидесяти лет. Если тебе осталось жить долго, то еще тридцать-сорок лет, но если твоя жизнь подходит к концу, возможно, остались лишь считанные годы. После того как ты поделишься жизненной силой с деревом, если твои годы иссякнут раньше, чем оно восстановится и вырастет, вы оба погибнете.

Вспыхнул мягкий зеленый свет, разделившись на три потока: они вошли в дедушку Чжао, дух дерева и остатки ствола под ними.

Он не обратил внимания на изумленные и радостные лица присутствующих, а посмотрел на деревянную фигурку в пеленках: Если у меня получится спасти Древо Возвращения Души и вернуть твой дух на место, сможешь ли ты вернуть людей в лесу к нормальному состоянию?

Зеленое сияние в массиве начало сжиматься, полностью впитываясь в участников ритуала.

Получилось.

Стоя в центре массива, он непрерывно складывал печати, и мощная духовная энергия хлынула в круг.

Древо Возвращения Души не могло ответить, но в застывшем воздухе вдруг повеял легкий ветерок. Цзинь Ни и Сюй Яо почувствовали, как с их плеч словно свалилась тяжесть, будто какая-то невидимая кармическая связь была разорвана, и оба невольно облегченно вздохнули.

Му Цунъюнь от начала и до конца не чувствовал ничего особенного. Услышав раздающиеся в лесу голоса людей, он первым двинулся вперед: Идем спасать людей.

*

Потери в поселке Наньхуай оказались тяжелыми.

Ученики Сюаньлина, будучи практиками, также понесли урон. Что уж говорить о слабых простых людях.

Кому-то повезло больше, и они отделались лишь ранами и ссадинами, но тем, кому не повезло, суждено было стать трупами.

Ученики Сюаньлина прибыли в поселок тремя группами, включая группу Му Цунъюня, всего двадцать семь человек. Но при переключке выяснилось, что их осталось двадцать четыре.

Трое погибли, еще более десяти получили ранения.

Му Цунъюнь отправил донесение в Сюаньлин, а затем поручил Цзинь Ни связаться с местными кланами и чиновниками, чтобы те прислали подкрепление.

Но до прибытия помощи им нужно было справляться своими силами.

Даже самому Му Цунъюню пришлось взяться за дело.

Когда он обрабатывал рану и фиксировал ногу ребенку со сломанной конечностью, тот заливался горьким плачем. Малыш не мог понять, почему, просто проснувшись после сна, он оказался в чужом месте, далеко от дома. От боли и страха он вырывался и звал родителей. Но сейчас в поселке Наньхуай царил полный хаос, и никто не знал, где его родители и живы ли они вообще.

Му Цунъюнь никогда не умел утешать детей, но, видя, как жалко тот плачет, он на мгновение заколебался, достал из мешочка конфету, развернул ее и положил ребенку в рот, после чего неуклюже потрепал его по голове: Будь умницей. Перевяжем ногу, и я отведу тебя к родителям.

Почувствовав сладость, ребенок перестал вырываться, а плач его стих.

Однако он все еще всхлипывал, глядя красными глазами, как Му Цунъюнь перевязывает ему ногу.

Му Цунъюнь тихо выдохнул, быстро закончил перевязку, взял ребенка на руки и понес к месту сбора раненых — Сюй Яо оповестил выживших жителей поселка, организовав перевозку пострадавших, которые не могли ходить самостоятельно, на волах и телегах прямо из старого леса.

Когда ребенка принесли на место, он, увидев вокруг множество незнакомых людей, инстинктивно прижался к груди Му Цунъюня.

Му Цунъюнь невольно напрягся и спросил: Есть ли здесь кто-то, кого ты знаешь?

Ребенок помедлил, выглянул наружу, огляделся и указал пальцем на женщину в толпе: Тетя Чжан.

Му Цунъюнь передал его на попечение тете Чжан. Перед уходом он вытащил все оставшиеся конфеты из мешочка и отдал ей.

Ребенок смотрел на него, прижимая сладости, и, увидев, что Му Цунъюнь, ничего не сказав, развернулся и ушел, вспомнил наставления родителей и поспешно крикнул: Спасибо, брат-бессмертный!

Му Цунъюнь остановился, обернулся, но не знал, что ответить.

В конце концов он лишь кивнул и ушел искать других раненых.

*

Шэнь Ци поспешил в город Дунчжоу, выбрал самую большую гостиницу, велел слуге принести двенадцать бочек воды и с тех пор не выходил из комнаты.

Его тело было покрыто запекшейся кровью, а одежда пришла в полную негодность.

С тех пор как в прошлой жизни он выбрался из болота, он больше не мог терпеть ни малейшей грязи.

После десяти бочек воды, когда казалось, что кожа почти стерта до крови, невыносимое чувство отвращения наконец отступило.

Заменив воду в одиннадцатый раз, Шэнь Ци погрузился в нее целиком и медленно нахмурился.

Он недовольно постучал по краю ванны, и в его ледяном голосе слышались остатки нерастраченной ярости: Вода остыла.

Красный Сокол, запертый в золотой клетке, не смел возразить и, подавив гнев, снова применил заклинание, чтобы подогреть воду.

Слишком горячо, — Шэнь Ци снова нахмурился.

Слишком холодно.

После нескольких таких попыток его терпение иссякло, и он произнес ледяным тоном: Если вы не способны справиться даже с такой мелочью, значит, от вас нет никакой пользы. Лучше оципать вас, нанизать на прутья и скормить диким псам.

Братья Красные Соколы: «...»

Вероятно, испугавшись, что он и вправду их зажарит, они наконец добились идеальной температуры воды.

Шэнь Ци удовлетворенно хмыкнул, влил в воду бутылек целебного снадобья и снова закрыл глаза.

Спустя полчаса он открыл глаза и вышел из воды.

В ванной стояло медное зеркало. Не спеша одеваться, он подошел к нему и внимательно осмотрел шрамы на своем теле.

В мутном зеркале отражалось худощавое тело юноши. На бледной, лишенной жизни коже проступали темные и уродливые шрамы. В сочетании с изящным и утонченным лицом это выглядело крайне неуместно.

Одно лишь человеческое тело было таким отталкивающим, а вспомнив свое безобразное драконье обличье, Шэнь Ци почувствовал еще большую хандру, а отвращение в его глазах усилилось.

В этот год прошлой жизни ему еще не исполнилось семнадцати, он пять лет скитался по Западным Пределам после ухода из Тяньвайтяня и еще не нашел Огненный Дух, чтобы заменить недостающую чешую, защищающую сердце, поэтому тело было слабым и болезненным.

Раны от Пожирающего тумана зажили после ванны с лекарством, не оставив и следа. Но на этом теле было слишком много старых увечий, а в период юности у него вырвали чешую, что сильно повлияло на ее рост.

Даже после того, как он вернулся и начал неустанно повышать уровень культивации, разыскивая всевозможные духовные сокровища для восстановления, результат все равно был далек от идеала.

Шэнь Ци нахмурился, заставляя себя разглядывать каждый уродливый рубец, отчего настроение окончательно испортилось.

Ему срочно нужно было сделать что-то, чтобы выплеснуть раздражение.

Если другим станет плохо, ему, несомненно, станет хорошо.

В голове всплыл белоснежный образ, Шэнь Ци коротко усмехнулся, надел одежду и направился прямо в поселок Наньхуай.

Поселок сильно изменился.

Серый туман, окутывавший все вокруг, рассеялся, и летнее солнце пролилось на землю, разгоняя мрак. На улицах, где раньше царила мертвая тишина, снова сновали повозки и люди, стоял невообразимый шум.

Глядя на улыбки этих простых людей, он почувствовал, как внутри закипает раздражение.

Не найдя никого в поселке, Шэнь Ци прямиком направился в старый лес.

Полагаясь на высокий уровень культивации, он скрыл свое присутствие и начал прочесывать

местность.

Когда он наконец увидел этот белый силуэт, его человеческие глаза внезапно превратились в золотые вертикальные зрачки, и он с фанатичным блеском уставился на Му Цунъюня.

Му Цунъюнь обыскивал лес в поисках раненых, время от времени помогая нести людей, и на душе у него было очень тяжело.

За эти сутки он увидел и сказал больше, чем за последние несколько лет, не говоря уже о тех, кто укладкой разглядывал его, а некоторые даже бросались к нему, хватая за руки и бесконечно благодаря.

В такие моменты он всегда завидовал Цзинь Ни, который чувствовал себя в толпе как рыба в воде; казалось, у того всегда был бесконечный запас энергии.

А сам он, прожив всего лишь день и ночь в такой обстановке, чувствовал небывалую усталость.

Ему хотелось поскорее закончить со всем этим и забиться в какой-нибудь безлюдный уголок.

Му Цунъюнь в мыслях отчаянно жаловался, но внешне оставался бесстрастным, летая на мече. В этот момент за спиной он почувствовал чей-то крайне навязчивый взгляд. Несмотря на то что он почти привык к вниманию, в этот раз он мгновенно ощутил дискомфорт.

Подавив желание немедленно улететь, Му Цунъюнь продолжил тщательно осматривать лес.

Шэнь Ци держался от него на расстоянии двух чжанов, серьезно обдумывая, что с ним сделать.

Убить сразу?

Не принесет облегчения, не пойдет.

Забрать с собой, бросить в темницу дворца Тяньцзы и пытаться пару лет?

Нет, темница слишком грязная, он туда ни ногой.

Разве это не лишит его множества развлечений?

Отбросив один вариант за другим, Шэнь Ци посмотрел, как Му Цунъюнь наклонился, чтобы помочь подняться раненому жителю, и у него внезапно возник блестящий план.

На его лице появилась полная злобы улыбка, и он, развернувшись, направился в другую сторону.

<http://bllate.org/book/21007/2135821>